

*Ne pas traduire les parties entre crochets [...]*

### **Вертикаль по-итальянски**

*Игорь Федюкин*

[Назначая Александра Хлопонина своим представителем в новообразованном Северо-Кавказском федеральном округе (см. прошлый номер "Власти"), президент Дмитрий Медведев объяснял свой выбор довольно обтекаемо: по его словам, переброска в беспокойный регион красноярского губернатора объясняется необходимостью искоренить там "преступность на экономической почве, клановость, взяточничество". Эксперты, комментировавшие назначение, выразались яснее: Хлопонин назначен потому, что он на Кавказе человек посторонний, не вписан в группировки местной элиты (этнические или даже родовые) и к тому же богат. В общем, президент таким способом ответил критикам, упрекавшим его за недавнее переназначение нескольких откровенно засидевшихся губернаторов. Попытку разрешить региональные проблемы путем присылки "варяга" можно увидеть и в назначении Юнус-Бека Евкурова главой Ингушетии, а также в ожидаемом назначении относительно независимого от расстановки местных политических сил президента Дагестана.

[...]

Тем не менее назначение Хлопонина говорит, конечно, о слабости федерального центра. По сути, Кремль соглашается с тем, что его не слушаются и слушаться не будут: единственный способ добиться подконтрольности чиновника — это найти человека с другого конца страны, а единственный способ избежать воровства — это назначить миллионера, которому воровать незачем. Подобная ситуация хорошо иллюстрирует концепцию субнационального авторитаризма, которую в своем недавнем докладе

использует для анализа политической траектории постсоветской России Владимир Гельман, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. ]

Политологи в последнее время уделяют все больше внимания региональному измерению авторитаризма и демократизации. В рамках такого подхода местные элиты рассматриваются не просто как объекты манипуляции со стороны режима в столице, но как самостоятельные политические игроки, заинтересованные в сохранении и приумножении своей власти как в условиях централизации политической системы, авторитарной консолидации, так и столкнувшись с угрозой демократизации.

[...]

Сравнительные исследования показывают, что формирование субнационального авторитаризма очень часто является одним из этапов строительства современной государственности. Исторически введение всеобщего избирательного права и конкурентных выборов, сопровождавшееся ослаблением центрального контроля над местными элитами, часто вело именно к появлению на региональном уровне властных монополий. Городские и провинциальные боссы создают мощные политические машины, устроенные подобно бизнес-структурам и позволяющие манипулировать избирательным процессом, практически исключая возможность и появления доморощенных конкурентов, и успешной атаки со стороны центра.

[...]

Именно это происходило и в постсоветской России, и в США на рубеже XIX-XX веков, и в послевоенной Италии, не говоря уже о странах Латинской Америки или Юго-Восточной Азии. Россия 1990-х особенно похожа на Америку в 1870-1920-х годах слабостью и федеральных партий, и федерального правительства.

[...]

Вопрос в том, конечно, что происходит с этим субнациональным авторитаризмом в дальнейшем. В США региональные политические машины [...] к середине прошлого столетия сохранялись лишь на юге или в местах вроде Чикаго[...].

Во многих случаях, однако, местные политические монополии оказываются вполне устойчивыми. И происходит это из-за сращивания субнациональных авторитарных режимов с центральной властью. Показателен пример послевоенной Южной Италии, где христианские демократы поставили местные полумафиозные кланы себе на службу. Политические боссы на местах обеспечивали партии голоса на выборах, а христианские демократы поддерживали бесконечные коррупционные программы "экономического развития" юга, позволявшие обогащаться и самим партийцам, и региональным боссам. В результате сложилась жесткая система, где вызовы "снизу" были практически исключены.

[...]

По мнению Владимира Гельмана, сложившаяся в 2000-х российская модель ближе всего именно к итальянской: хотя центр сильно ограничил самостоятельность региональных боссов, речь шла не о демонтаже созданных ими политических машин, а об их мобилизации на службу Кремля.

1 февраля 2010, Коммерсантъ власть

## La verticale du pouvoir à l'italienne

*Igor Fedioukine*

Depuis quelque temps, les politologues accordent de plus en plus d'attention à la dimension régionale de l'autoritarisme et de la démocratisation. Sous cet angle, les élites locales sont considérées non pas simplement comme des pions manipulés par le Kremlin, mais également comme des acteurs politiques autonomes, intéressés par la préservation et l'accroissement de leur pouvoir, dans les conditions de centralisation du système politique et de renforcement de son caractère autoritaire, après avoir été confronté à la démocratisation.

Les études comparatives montrent que la l'apparition d'un autoritarisme subnational est très souvent une des étapes de la construction d'un État moderne. D'un point de vue historique, l'introduction du suffrage universel et d'élections pluralistes, accompagné de l'affaiblissement du contrôle du pouvoir central sur les élites locales, a précisément souvent conduit à l'apparition de puissants monopoles dans les régions. Les potentats municipaux et régionaux créent de puissantes machines de pouvoir politique, organisées comme des structures de *business*, et permettant de manipuler le processus électoral, tout en excluant pratiquement l'émergence de concurrents du cru, comme en évitant d'être attaqué avec succès par le pouvoir central.

C'est justement ce qui s'est passé dans la Russie postsoviétique, aux États-Unis au tournant du XX<sup>e</sup> siècle, en Italie après la guerre, sans parler des pays d'Amérique latine ou d'Asie du sud-est. La Russie des années 1990 est tout à fait comparable à l'Amérique de la période 1870-1920, par la faiblesse des partis et du gouvernement sur le plan fédéral.

Certes, la question est de savoir comment évolue cet autoritarisme régional. Aux États-Unis, les machines politiques régionales, vers le milieu du siècle dernier, ont perduré seulement dans le sud, ou dans des endroits comme Chicago.

Dans de nombreux cas, cependant, les monopoles politiques locaux s'avèrent tout à fait stables. Cela est dû à la collusion des systèmes autoritaires régionaux avec le pouvoir

central. Un exemple significatif est l'Italie méridionale après la guerre, où les démocrates-chrétiens ont placé des clans locaux semi-mafieux à leur service. Les dirigeants politiques en place garantissaient les voix au parti pendant les élections, et les démocrates-chrétiens soutenaient les programmes sans fin de « développement économique » du sud, gangrénés par la corruption, permettant aux membres du parti eux-mêmes et aux dirigeants locaux de s'enrichir. En définitive, un système strict s'est mis en place, où les critiques de la base étaient pratiquement exclus.

Selon Vladimir Gelman, le modèle russe des années 2000 est justement le plus proche du modèle italien : bien que le pouvoir central ait fortement limité l'autonomie des dirigeants régionaux, il s'agissait non de démanteler les machines politiques qu'ils ont créées, mais de les mobiliser au service du Kremlin.

1<sup>er</sup> février 2010, Kommersant, « Pouvoir »